

MISCELLANEA

УДК 796.5; 394.2

DOI: 10.17223/2312461X/14/14

ПРИОРИТЕТЫ ВЛАСТЕЙ И ОПЫТ ЖИТЕЛЕЙ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОЛИМАСШТАБНОСТИ: СЛУЧАЙ КУЛДИГИ (ЛАТВИЯ)

Елена Германовна Трубина

Аннотация. Рассматривается случай латвийского города Кулдига с точки зрения того, как поддержание жизни в небольшом и исторически интересном поселении встроено в политические и экономические процессы, протекающие в масштабах, далеко превосходящих городской. Разбираются итоги полевой работы автора в этом городе, проведенной летом 2015 г., в ходе которой выявлено противоречие между надеждами властей на привлечение туристов и продолжающимся отъездом местных людей из города.

Ключевые слова: постсоциалистическое городское развитие, туризм, миграция, Латвия, наследие, небольшой город

Эта статья посвящена контрасту между надеждами на туризм как главный источник роста экономики малого латвийского города и продолжающейся депопуляцией этого города, рассмотренному в контексте политики по сохранению исторического наследия Европейского Союза. Она выполнена в рамках моего самостоятельно финансируемого проекта «Событийный капитализм»: я, в частности, пытаюсь понять, как постсоветские урбанистические исследования соединяются с теоретической рефлексией общих глобальных экономических и политических процессов. Фестивали и праздники рассматриваются как значимая часть экономики городов, средства от которых можно направить, в том числе, и на поддержание исторического наследия городов. В восточно-европейской части этого проекта я рассматриваю такие вопросы: как реальность существования людей в небольшом латвийском городе соответствует видению «исторической» Европы? Какую роль играют местные жители в сохранении наследия в странах – новых членах Европейского Союза? Что говорит феномен активной трудовой миграции из города и страны о допущениях и противоречиях политики включения стран – новых членов в Европейский Союз?

Полевое исследование, состоявшее из включенного наблюдения и интервью с приезжими и местными жителями, было проведено в июле

2016 г. в составе организованной Кириллом Кобриным групповой интеллектуальной резиденции, целью которой было написание четырех эссе о Кулдиге, выполненных с разных точек зрения. Латвийский историк Густавс Стренга описал избирательность городской памяти. То, как в городе сохранено советское прошлое в виде монументов и жилых зданий, описал английский архитектурный историк и критик Оуэн Хэзерли. Историк и писатель Кирилл Кобрин написал эссе о популярной в городе столовой и о главном городском кладбище. Я попыталась поместить жизнь в Кулдиге в контекст разных времен и разных географических масштабов. Все эти материалы сейчас готовятся к печати в рамках посвященного Кулдиге тематического блока в номере 110 за 2016 г. журнала «Неприкосновенный запас». Для предлагаемой читателю «Сибирских исторических исследований» статьи я разбираю собранные интервью и проведенные наблюдения с точки зрения того, как мыслят местные люди место своего города в мире и в стране, как они сравнивают свои города с другими и на какие из них ориентируются. Нужно подчеркнуть, что среди проведенных мною восемнадцати интервью, взятых у местных жителей, были и люди, профессионально включенные в процессы развития города, и «просто» жители. Я также беседовала с туристами и ремесленниками, торговавшими на ежегодном городском празднике (N = 18, всего опрошенных N = 36). Кулдига – небольшой город, большинство жителей которого – латыши. Мои респонденты с удовольствием говорили об *этнической однородности* Кулди́ги, которая оборачивается тем, что *уже несколько десятилетий русский язык неактуален*, но шанс попрактиковаться в нем, отвечая на вопросы интервьюера, несколько респондентов упускать не захотели, продемонстрировав завидный словарный запас. Ряд интервью был проведен по-английски.

Кулдига, Латвия, Европейский Союз: взаимодействие масштабов

Кулдига расположена в западной части Латвии, в земле Курземе (Курляндия). В городе проживают немногим больше десяти тысяч жителей. Количество приезжающих туда летом туристов и отдыхающих весьма велико. Латыши и русские, немцы и евреи, французы и голландцы едут сюда часто в составе прибалтийского или латвийского туров, чтобы посмотреть город, пожить в нем либо на хуторе по соседству, в тишине и покое. Город дивный, в нем журчит между домами речка Алекшупите и светятся окна домов, построенных в позапрошлом веке. Сюда не провели железную дорогу, что уберегло старую застройку, так что бродить по нему – одно удовольствие. Кого туристы здесь встречают? Владельцев гостиниц и кафе, иных гостеприимных работников и просто местных жителей, по тем или другим причинам не уехавших в Ригу либо Англию в поисках надежного заработка. Тури-

сты и местные жители общаются редко, они лишь обмениваются мимолетными взглядами на улице Лиепая или на недавно отреставрированном мосту, чтобы вернуться к своей обычной жизни. При этом и та и другая группа людей отдают себе отчет во взаимозависимости: благополучие города мыслится как завязанное на то, продолжат ли туристы приезжать. *«Кто бы ходил в эти рестораны без нас, приезжих»*, – скажет вам русский из Риги. *«Эх, хотя бы осень была хорошая, так мы бы еще что-то заработали»*, – надеется хозяйка кафе.

Город претендует на то, чтобы войти в список памятников Мирового культурного наследия ЮНЕСКО. В том, каким предстает этот старинный латвийский город приезжему, проявляются идеи его властей о том, что больше всего нравится туристам: это – старина. Город не обошли стороной последствия советизации и десоветизации (я вернусь к этому ниже), но главное, чем, считается, он привлекателен, это – улицы и дома восемнадцатого и девятнадцатого веков. Их в Кулдиге уцелело больше, чем в других городах Латвии, благодаря ее относительной изолированности и тому, что большие дороги обходят ее стороной. Старину нужно должным образом туристам представить, и деньги на ремонт домов, переустройство городского парка, облагораживание пляжа у реки Венты, ремонт арочного моста и прочего поступают из далеких от Кулдиги и Латвии мест. То, что власти города большинство своих надежд связывают с экономической помощью, поступающей не от национального правительства, но от Европейского Союза, правительств и благотворительных организаций скандинавских стран и т.д., прямо связано со стремительным падением латвийской экономики, связанным с глобальным экономическим кризисом 2008 г. Американский ученый так характеризует сложности, с которыми недавно столкнулась страна: после нескольких лет роста в начале двадцать первого столетия и связанных с ним позитивных ожиданий «во второй половине 2008 года прежний рост по нарастающей стал казаться искусственным, поскольку экономика начала сокращаться в ответ на международные экономические качели, над которыми у Латвии не было контроля» (Plakans 2009, 522).

В этом анализе проблемы экономики Латвии увязываются с общемировыми. Таким образом, с моей точки зрения, проявляется «полимасштабность» происходящего, т.е. то, каким образом в тех или других местах (включая небольшой город, о жителях которого в этой статье идет речь) отзываются процессы, протекающие в других масштабах или шкалах. Этот термин активно используют экономические географы, обсуждая, каким образом «укоренить» анализ местных экономических практик в более широких контекстах (Peck Theodore 2007), т.е. как связать местное с региональным, национальным и глобальным. В контексте городского развития этот методологический подход дает возможность не только учесть неравномерность развития, но и понять, что процветание

одних мест тесно связано с обеднением других. В Латвии до кризиса процветали Рига и прибрежные курорты, прежде всего Юрмала, куда перетекали средства, разнообразно извлеченные из происхождения российских и прибалтийскими олигархами в условиях беззакония и дикого капитализма 1990-х (Platt 2013; Woolfson and Juska 2014: 134).

Обрушение финансового рынка и рынка недвижимости после кризиса 2008 г. поставило в тупик многих латвийских политических лидеров. Американский аналитик, процитированный выше, верно указывает, что они нереалистично рассчитывали на то, что экономический рост будет бесконечным, не выучив, так сказать, «матчасть», состоящую, во-первых, в том, что капитализм развивается циклично, а во-вторых, в том, что у «правильного» роста должно быть несколько сбалансированных источников и компонентов, тогда как рост на основе одних лишь финансовых спекуляций ненадежен. Цитирую его еще раз: «Годы экономического бума в Латвии были основаны на растущих ценах на недвижимость, экспорте и легко доступном кредите – именно тех секторах, которые особенно уязвимы по отношению к негативным международным трендам... циклы спадов усилили серьезные социальные последствия периода перехода к рыночной экономике для латвийского общества... новый разрыв в доходах застыл. Богатство и потребление напоказ в Риге остро отличалось от медленных изменений в провинциях» (Plakans 2009, 522).

Кулдига может быть ярким примером таких медленных изменений – до той степени, что выражения *«машина времени»*, *«тут как будто время остановилось»*, *«как будто не было ничего советского тут»* преобладали в высказываниях опрошенных мною туристов. Подчеркну, что здесь важно, по-моему, иметь в виду, что власти города не видят внутренних источников развития, что все их надежды связаны с туристами, которые приедут в город из более развитых мест. Надежды, иными словами, связаны с другими городами, включенными в мировую экономику более успешно, нежели Кулдига и другие латвийские города. Между мировой экономикой и Кулдигой – разумеется, множество звеньев, опосредующих связь небольшого города и потоков глобальных денег, за которые соревнуется, понятно, не только этот город.

«Масштабы» или «шкалы» (от мирового до местного) – традиционные географические понятия, которые должны были по-новому рассмотрены с углублением глобализации. На первых этапах ее осмысления многие ученые думали, что глобализация уменьшает значение таких масштабов, как национальный и местный. Затем, по мере того как осознавался вред, наносимый глобализацией местной специфичности (реальной или воображаемой – другое дело), все «глобальное» попало под подозрение, а «местное» стало мыслиться как нуждающееся в охране и поддержке. Тем самым реакция городских правительств на процессы глобализации, которая получила название «новый локализм» (Corry and Stoker 2002, Stoker 2004),

включает в себя ностальгию, местный патриотизм, городскую память и иные эмоционально заряженные компоненты. То, как «звучат» данные область или город в мировом и национальном масштабах, зависит от того, насколько знакомы городские и региональные власти с лучшими практиками глобального продвижения городов. Создание и увеличение городских активов властями и входящими с ними в деловые альянсы предпринимателями включает в себя такие часто повторяемые сегодня слова, как «имидж», «идентичность», «туризм» и «наследие».

Во многих исследованиях подчеркивается связь между туризмом и экономическим ростом (Proenca and Soukiazis 2008). Обычно идет речь о том, что туризм стимулирует экономический рост, иногда – о том, что работает и обратная связь: экономический рост городов привлекает туристов. Эта связь стала общим местом, «успешной практикой», повсеместно и прочно усвоенной озабоченными городским развитием администраторами. Критические и скептические оценки аргумента об этой связи в литературе также представлены достаточно широко, но вдохновляющие фикции для городских элит – важнее. К тому же и в исследованиях по экономике туризма и в целом в урбанистической литературе дискуссии о том, как анализировать и измерять многомерное воздействие туризма на города и их экономику в короткой и долговременной перспективе, продолжаются (Dwyer, Forsyth, & Spurr 2004). Концептуальные сложности усиливаются потому, что и границы туризма бывает сложно провести, и изменения в туристской индустрии нелегко зафиксировать в масштабе одной страны, а тем более города. Недостаток данных на местном и региональном уровне – то, на что жалуются многие исследователи, занимающиеся туризмом.

Данных не хватает, но надежды на то, что решение городских проблем возможно на основе разного рода имиджей и брендов, которые привлекут туристов, которые, в свою очередь, поднимут своим трудовым евро затормозившую экономику, повсеместны. Масштаб мира, который, считается, о вашем городе должен узнать, и масштаб города соединяются в разработке самых разных стратегий городских администраций. Масштабы, представляя собой совокупность реальных разноразноуровневых процессов, становятся «оптикой», определяющей и деятельность изучаемых нами «актеров», и наш собственный подход к полевому материалу. К примеру, если ты приезжаешь в небольшой город, то, кажется, его масштаб и должен быть для тебя самым значимым, но чем больше ты разговариваешь с горожанами, горюющими о том, сколько людей из города уехало, тем больше ты понимаешь, что его границы – не физические, что они раздвинуты разными связями горожан с далекими от Кулдиги людьми и процессами.

Тем самым Кулдига интересна еще и потому, что ее случай проблематизирует привычную для многих из нас иерархию масштабов, на

вершине которой – государство и нация. Если Кулдига – город в Латвии, то резонно ожидать, что это латвийские власти должны что-то предпринять, чтобы предотвратить отъезд людей из города. Но как быть с тем, что власти этой страны вряд ли могут что-то предпринять, так как едва справляются с последствиями кризиса. Здесь важно помнить, что создаваемые сегодня концепции городского пространства пытаются уйти от привычных представлений о городах как помещенных внутри государственного контейнера, подчеркивая реляционность и материальность в их функционировании. Пространство представляется теперь сформированным разномасштабными социальными отношениями так, что связанные с национальным государством отношения составляют лишь часть или вектор целого спектра других отношений.

Нам, соответственно, важно не терять из виду динамику различных масштабов в жизни города, понимать его в его открытости миру, разомкнутости, внутренней сложности. Случай Кулдиги интересен тем, что его жизнь определяется вписанностью в пространственную иерархию, на вершине которой находится не национальное государство, а такое наднациональное образование, как Европейский Союз. Теоретический и эмпирический «государствоцентризм» как преобладающая в анализе городов теоретическая рамка здесь ломается самими стратегиями, к которым вынуждены прибегать городские власти, и тактиками горожан.

Праздники и будни исторического города

Драмы, разворачивавшиеся в Прибалтике в двадцатом веке, включали депортацию и коллективизацию, истребление евреев и переживание последствий шоковой терапии. Приезжая летом в популярный у туристов город, визитер-исследователь видит многочисленные следы этих драм либо слышит о них от тех, кто согласится поговорить. О депортации напоминают флаги: хотя официальные церемонии проходят 14 июня по всей Латвии в День памяти жертв депортаций 1941 г., многие люди не вынимают флаги из флагштоков своих домов все лето. Пятнадцать тысяч человек, увезенных в грузовых вагонах в Сибирь, в Латвии помнят. Помнят и о том, что случилось с евреями, – те, кто приезжают в Кулдигу потому, что в 1941 г. триста местных евреев были здесь расстреляны. Здание городской синагоги служит сейчас библиотекой. Многие мемориальные знаки разорены. Сообщество, которое внесло свой вклад в то, что в прошлом Кулдига процветала, исчезло полностью (Yadvashem 2016). А в библиотеке никто из редких читателей сегодня не вспомнит, что именно в этом здании евреев собрали и держали взаперти прежде, чем увезти на расстрел в соседний лес. На здании нет мемориальной доски, как нет таких, очень нужных, знаков и в других местах. О коллективизации свидетельствуют и пустующие

вокруг Кулдига хутора и немногочисленные деревни, созданные в советские времена. О том, как нелегко было в первые годы после освобождения страны в начале 1990-х, вспоминают информанты, упоминая и вынужденные поездки на заработки в Германию, и пустые полки магазинов.

Разнообразие городской истории включает самые разные пласты и слои, но понятно, что драмами не всех туристов привлечешь. Поэтому каждый год Кулдига устраивает большой, многолюдный, продолжающийся несколько дней городской фестиваль. На нем выступают фольклорные коллективы из разных мест Европы, музыканты и танцоры. На нескольких эстрадах и на улицах видны причудливые ростовые куклы. Праздничные процессии, концерты, ди-джеи и роскошный фейерверк с удовольствием смотрят тысячи приезжих и местных. На центральных улицах десятки ремесленников продают копченую курятину и медовуху, брусничное вино и веночки из искусственных цветов, льняные блузы и войлочные сумки. Улицы полны народа, звучит речь на разных языках, в кафе и кофейных сложно найти место. Нагулявшись в толпе и напробовавшись всякой всячины, претерпев какофонию дискотеки в парке неподалеку с домом, в который нас гостеприимно поместили, т.е. пережив праздничные дни во всех смыслах, ты выходишь на центральную улицу в первый постфестивальный вечер по делу, и контраст между фестивальной оживленностью и будничной пустотой пробуждает мысли об огорчительности малолюдья. Стереотипы ли нормальной городской жизни с ее вибрирующими разнообразием улицами тому виной? Опыт ли преподавания в Литве, когда от коллег часто доводилось слышать о том, что «все живое» из их страны уехало? Когда на улицах города тебе встречаются лишь редкие прохожие, тебя тревожит какая-то фундаментальная неправильность того, что в таких замечательных, милых городках, как Кулдига, живет так мало людей, да и кое-кто из живущих здесь подумывает об отъезде по примеру тех, кто обосновался в Англии. Контраст между многолюдьем четырехдневного праздника и пустотой улиц в будни отмечали многие. Местные жители особенно энергично сетовали на зимнее безлюдье: *«Сезонность у нас выраженная, конечно, если говорить о туризме. Другие места предлагают возможность кататься на лыжах зимой, а здесь у нас достаточно мягкий климат. Конечно, у нас не так безлюдно зимой, как в чисто курортных городах, таких как Нуда или Неринга».*

Рассказы причастных к городской политике поражают тем, что в них идет речь не о том, что тебе казалось бы логичной реакцией на продолжающийся отъезд местных жителей – создании новых рабочих мест за счет организации каких-то точек роста. В этих рассказах есть рефрен – привлечь в Кулдигу людей на время: *«Некоторые из местных жителей на время праздника уезжают, чтобы (смеется) эти толпы не ви-*

деть, это утомительно. Но важно, чтобы местные жители понимали, что есть от этого какая-то польза для городской экономики, от этих потоков туристов, нужно только уметь что-то взять. Конечно, во время городского праздника все мысленные ночлеги переполнены, но надо больше работать, чтобы не только на один день люди в городе останавливались. Нам нужно, чтобы они больше здесь оставляли (денег. – Е.Т.). Есть разные идеи о том, как это стимулировать, чтобы от туризма был больший и положительный «импакт» на экономику города. Это еще не совсем удачно у нас пока получается, но мы в эту сторону движемся, пытаемся понять, какие моменты должны быть учтены. Но все же нам удалось много вложить в публичную инфраструктуру и в культурное наследие. Это привлекает национальных, домашних туристов к посещению».

Итак, туристы приедут, «оставят здесь деньги», заплатив за услуги, и это позволит Кулдиге и далее существовать. На туристов надеются и «просто» жители. Не значит ли это, однако, что такие приоритеты городской политики и такие надежды крепко соединяют положительные перспективы городской экономики с тем, как обстоят дела в местах, далеких от Кулдиги? Туристы ведь должны откуда-то приехать, располагая свободными средствами. Но зачем им приезжать именно сюда, ведь в Европе так много милых старинных небольших городков? Получается, что Кулдиге надо предложить туристам что-то особое, но что же это может быть? Власти Кулдиги много усилий направляют на то, чтобы город был включен в охраняемый ЮНЕСКО перечень значимых для культурного наследия городов. Однако надежды на то, что туристы помогут городу справляться с экономическими сложностями, сочетаются с трезвым пониманием того, что старинных городков в Европе хватает, а значит, у города – проблемы с отличительностью. Жители рассказывают о визите инспектора ЮНЕСКО, который не увидел в Кулдиге ничего, что помогло бы ей войти в престижный перечень охраняемых этой организацией городов. Власти планируют снова подавать заявку в ЮНЕСКО, надеясь, что этот статус поможет привлечь туристов.

О том, как сложно городу выделиться в числе других городов, говорят и признания людей, работающих в муниципалитете («Мы понимаем, что в одной Германии маленьких старинных городков – десятки и даже сотни, так зачем именно ехать сюда?») и неудачи интернет-поиска. Надо подчеркнуть, что в интервью с жителями и представителями муниципалитета я обязательно спрашивала их о том, а что можно было бы еще сделать для подъема экономики города. К примеру, летом в Кулдиге тротуары усыпаны яблоками: ветви старых садовых деревьев свешиваются через заборы, и редко когда упавшие яблоки соберут и положат кучкой на поляне. Они все больше шлепаются о растрескавшийся асфальт, оставляя влажные бесформенные кучки. Казалось бы,

все это изобилие можно собрать и обработать, наладив, к примеру, производство популярного в Риге кальвадоса. Однако кальвадос в супермаркете «Рими» продается французский, а яблоки в садах зреют и зреют, падают и падают. В ответ люди предпочитали вспоминать о неудачных бизнес-начинаниях их знакомых горожан в 1990-е и говорить, что начать бизнес очень сложно из-за множества ограничений.

Вот в этом суждении интересно соединяются упоминание того, какие отрасли экономики в городе имелись и – вновь и вновь – надежды на то, что деньги придут извне, если Кулдига поймет, как себя выгодно продать туристам: *«Исторически наши отрасли экономики – это деревообработка, сельское хозяйство, лесное хозяйство. И вот наши леса на севере – это тоже очень интересно для рекреации, особенно зарубежных туристов. У нас также есть охраняемые территории, природные парки, около Венты – это территория, включенная в европейский перечень «Натура 2000». Мы много работаем, чтобы попасть в европейский список культурного наследия. Сейчас мы в национальном списке и в предварительном списке ЮНЕСКО. Но со старым городом нашим туда нелегко попасть, потому что этот список уже переполнен городскими центрами. Надо какую-то изюминку найти, чтобы зацепиться на таком, международном уровне. Мы осторожно сейчас, с помощью экспертов и профессоров из Риги, ищем сейчас такие пути. Конечно, тут есть и политический компонент, так что это непросто. Я понимаю, что это не должно быть самоцелью. Интересно, что если в других местах самоуправление пытается ликвидировать какие-то охраняемые памятники и территории, то по инициативе кулдигского самоуправления мы включили в национальный культурный лист некоторые архитектурные памятники и из-за этого даже увеличили зону охраняемой городской застройки».*

Над тем, как сделать город еще более привлекательным и отличительным, думают многие. Получается, что дело не только в том, что город получил от географии и истории, не только во взаимодействии между туристами, экскурсоводами и владельцами туристических агентств, расположенных в Риге и где-то еще и местным населением. Дело еще и в том, будет ли город признан как особый и заслуживающий к себе внимания особыми европейским инстанциями. От этого символического капитала зависит капитал реальный, т.е. то, получит ли город дополнительные деньги на развитие. Поскольку национальное правительство испытывает острый недостаток ресурсов, то все надежды – на Европейский Союз, на то, что его Комиссия по региональному развитию выделит городу серьезный грант. Но как только город начинает мыслить себя как туристский, «заточенный» под туристов, он становится «дестинацией», и немного грустно было слушать такие сетования: *«У нас вся настоящая жизнь – только летом. И праздник «Танцуй, Кулдига!»!*

И рестораны полны. И интересные люди по улицам ходят. Но как только выпадает снег, здесь очень скучно, пусто. Остается только телевизор, вот и сидим по домам...». С одной стороны, смена времени года влияет на жизнь в любом городе, да и у телевизора многие люди сидят не только зимой (и это – единственное развлечение для многих), но, с другой стороны, готовность увязать шанс на «настоящую» жизнь с приездом в город на день-два туристов показалась мне грустным итогом усилий властей позиционировать город как прежде всего туристский. Этот вариант идентичности Кулдига местные люди усвоили, и свою жизнь соединяют теперь с ее туристскими перспективами.

Одна из моих информанток резонно в связи с этим сказала: *«Мы настолько одержимы туризмом, что это мешает нам продумывать альтернативные варианты развития городской экономики. Мы недооцениваем тот факт, что многие туристы приезжают сюда отнюдь не в результате наших брендинговых усилий. Латыши приезжают потому, что есть традиция. Немцы, русские, евреи приезжают в силу тех или других исторических причин. Тут, конечно, важны и бесконечные грантовые заявки, и лоббирование, и уже имеющееся имя. Но все же здесь Кулдига проигрывает соседнему Вентспилсу. Она проигрывает Тарту и другим эстонским городам. Например, почему мы видим столько латвийцев в Эстонии, к примеру в Тарту? Потому что там лучше инфраструктура, потому что там интереснее музеи, потому что там ориентированный на детей отдых».* Уязвленность рассказчицы, мне кажется, понятна: Эстония и Латвия – соседи, достались им примерно одинаковые природные и культурные ресурсы, так почему же одним удается привлечь к себе больше финансов и туристов, чем другим?

В том, как разговаривает город с туристами посредством ежегодного праздника, центральных улиц, туристского информационного центра и рекламных тумб и стендов, сквозит желание продать условную европейскую старину, напоминая о наблюдении классика исследований туризма американца Дина Макканнела, что туризм – «не только совокупность просто коммерческих видов деятельности, но еще и идеологическое обрамление истории, природы и традиции, обрамление, у которого есть власть переоформить культуру и природу в своих целях» (MacCannell 1992: 1). Город включился в многочисленные попытки использовать культуру для городского роста и возрождения. Начиная с 1980–1990-х гг. тысячи фестивалей были организованы для оживления и обогащения городской экономики, регенерации городов в целом или отдельных в них районов, увеличения видимости городов на глобальной арене. Культура, включая городские прошлое и наследие, но также в значительной степени и фестивали, инструментализуется и, как мне уже приходилось писать, описывая другой кейс (Трубина 2016), поистине впечатляет готовность, с какой местные люди усваивают эту инструмен-

тальную логику. «*Маловато денег тратят*», – такое сетование можно было слышать не только от ремесленников, которые летом рассчитывают заработать столько, чтобы жить на эти деньги в скучные зимние месяцы, но и от жителей, которые далеки от какого бы то ни было бизнеса (к примеру, пенсионеров или государственных служащих).

Переклички «где-то еще» с «когда-то»

Для современных латвийцев следы советского прошлого связаны с тем, что они считают навязанными им образом жизни и идеологией. В Кулдиге в прошлом веке успешно работали несколько заводов и лесопилок, а сегодня от заводов остались обширные руины (по которым мы прошли с местными жителями), хотя лесопилки продолжают работать. Восстановление нормальной жизни связывается многими из латышей с проведением жесткой границы между их этнической культурой и советской культурой и в целом советским наследием. Вот, к примеру, как один житель включает факт последствий уничтожения хуторов в советское время и насильственного переселения их обитателей в деревни в общий рассказ о том, где живут люди в Кулдиге и вокруг нее: *«Есть по-край (край) Кулдига: половина живет в деревнях и половина в городе. Исторически у нас были хутора, многие из них ликвидировали, концентрировали население в деревнях. В хуторах люди сегодня предпочитают жить. В центрах деревень люди не хотят селиться. Если в городе население уменьшается, то в деревнях некоторых население растет в латвийском масштабе. Вокруг Риги много людей селится: новые поселки, в которых состоятельные люди покупают землю. Конечно, в целом в других сельских районах оно тоже сокращается, потому что уровень общественных услуг в них трудно поддерживать, школы и все такое»*. Печальные воспоминания многих о советском времени соединяются с не всегда доброжелательным вниманием к соседним странам, которые, как кажется латышам, *«лучше вписались в капитализм, чем мы»*.

В проведенных с местными людьми интервью особенно активно упоминались такие страны, как Эстония, Россия и Англия. Эстония – более успешная соперница за внимание богатых западных стран-соседей: *«Мы, латыши, всегда говорим, что в Эстонии все – лучшее, в частности, потому, что у нее большие исторические и деловые связи с Финляндией»*, – заявил один информант, и похожие ремарки я слышала еще от нескольких. Англия – страна, в которую много латвийцев перебралось с тех пор, как Латвия вошла в состав Европейского Союза (об этом еще идет речь в главке «Уехавшие и оставшиеся»). Россия – страна, из которой в Латвию приехали много жителей, правительство которой осуществляет политику, из которой явствует, что многие бывшие социалистические страны, включая и Латвию, оно считает включенными в сферу своего влияния.

Европейский Союз в воображении латышей занимает очень большое место и как источник (иногда единственный) средств для развития их города, и как защита от угрозы, исходящей с Востока. Политическая и экономическая интеграция страны в «Запад» происходит очень противоречиво, но удивительно, что в оценке настоящего и в планах на будущее туристы из Латвии в Кулдиге и местные жители были единодушны в критических и скептических оценках возможностей центрального правительства и в связывании своих надежд с *«богатой Европой»*. Претензии к латвийскому правительству разнообразны. Чаще всего упоминалась коррупция.

Непростые отношения между Россией и Латвией проявлялись в этих оценках двояко. Во-первых, несколько людей считали, что Россия и является главным источником латвийской коррупции: *«Ваших в Риге много, и не все из них честные люди»*. Во-вторых, информанты пытались сравнивать размах коррупции в этих двух странах. На сравнения, понятно, накладывали отпечаток стереотипы и характер освещения российских проблем в российской прессе. Чаще всего эти сравнения были сформулированы так: *«Да, коррупция у нас, конечно, есть, но все же не такая, как у вас»*. Второй по распространенности претензией был глубокий кризис социальной сферы. Так, латвийское здравоохранение – в глубоком кризисе: *«Для того, чтобы с ребенком показаться врачу, матери необходимо иногда ждать своей очереди свыше года, если у нее нет денег заплатить врачу частному»*.

Бремя и поддержания бодрого духа в своих семьях, и дополнительных заработков ложится, главным образом, на женщин. Особенно нелегко тем из них, в семьях которых есть тяжело больные люди. Один из самых поразительных рассказов, который мне довелось слышать в Кулдиге, был о том, как, потратив несколько лет на получение развода от прежнего мужа, женщина, настроившись на счастливую жизнь со своими детьми и новым мужем, узнала вместе с ним о неожиданной и очень серьезной его болезни. А откуда возьмутся деньги на оплату частных врачей, если она живет в небольшом городе, где возможности приработка – очень скромные? Рассказчица меня поразила оптимизмом и жизнестойкостью, неготовностью сдаваться и жадной сделать все возможное для своих близких, но все же этой семье живется нелегко, так как нет ни одной сферы социальной политики страны, которая не страдала бы от недофинансирования.

Что касается «богатой Европы», то главный источник получаемых городом денег – гранты Европейского Союза. Несколько работников городской администрации сосредоточены на том, чтобы писать все новые и новые заявки, отстаивая интересы города. Есть потоки финансов, идущих в различные европейские города, но то, станет ли ваш город узлом либо точкой пересечения их противоречивого движения, зависит

от мастерства, с каким вы будет составлять заявки в транснациональные европейские организации, ведь другого способа дать работу своим гражданам у вас нет. Сложные связи восточных окраин Европы с ее сегодняшним наднациональным центром – Брюсселем – побуждают грантодателя – Европейский союз – вкладываться в городскую реставрацию. Этот грантодатель осведомлен о размахе миграции, но случай Кулдиги свидетельствует о том, что он предпочитает вкладываться не в создание новых рабочих мест, а в восстановление исторического наследия. Власти Кулдиги получили от Европейского фонда регионального развития 1420000 евро на реставрацию возведенного в девятнадцатом веке кирпичного арочного моста. Берусь предсказать, что столь крупного гранта Кулдига в скором времени больше не получит. Хотя успешным восстановлением моста справедливо гордятся и власти, и жители, его роль и в привлечении будущих туристов, и в туристском настоящем города представляется мне весьма скромной. С моста виден знаменитый кулдигский водопад, а рядом с водопадом есть хостел. Купаясь неподалеку в реке Венте по утрам в течение трех недель в июле 2016 г., я видела в лучшем случае пять-шесть машин, припаркованных рядом с этим хостелом, одного-двух горожан на мосту и одного-двух купающихся в Венте. Как соединить тот факт, что на мосту в 9 утра буднего дня тебе «в среднем» встретится одна пожилая велосипедистка, с надеждами, связываемыми с этой реставрацией городскими властями? Как соединить реплики проезжающих мимо водопада автотуристов (*«Ну да, на полчаса можно здесь остановиться, отметить, так сказать, но ведь даже купаться здесь очень неудобно: к водопаду пока подойдешь – все ноги исцарапаешь... а мост... что мост?...мост как мост, таких много, наверное...»*) с местной гордостью этой городской достопримечательностью?

Нужен, понятно, трезвый анализ того, какой вклад уже имеющийся приток туристов вносит в городскую экономику. Он, возможно, уточнит распространенное представление о том, что именно туризм является истоком надежд на городское благополучие. Пока же нам остается лишь читать хвалебные строки на вебсайте Европейской комиссии и Фонда регионального развития о том, что у моста есть еще, оказывается, и образовательная роль: *«Для того, чтобы сохранить подлинность местного культурного наследия, на мосту проводятся художественные выставки, музыкальные концерты и представления, часто включающие зрелищные фейерверки и высокотехнологичные лазерные шоу»* (ЕС Еуропа 2016). В победных рапортах, что мы читаем на брюссельском вебсайте, особенно примечательно множественное число, прибавляющее риторический вес рассказу о Кулдигском мосте: получается, что выставки и концерты на нем проводятся неоднократно. Если выставки действительно проводятся регулярно, потому что в заброшенном зда-

нии рядом с мостом расположилась городская художественная галерея, то концерты проходят в основном в городских парках, т.е. мы здесь имеем дело с типичной риторикой бюрократических отчетов, строящейся на преувеличении и приумножении и мало общего имеющей с действительностью.

Городская администрация, как многие в городе знают, вложила средства в покупку особых счетчиков, позволяющих фиксировать количество людей, положим, проходящих по мосту. Когда в нашем присутствии было сказано, что в дополнение к уже имеющимся дорогостоящим счетчикам администрация купила еще несколько, позволяющих чуть ли не гендер прохожих фиксировать, одна из местных представительниц креативных индустрий резонно спросила энтузиаста: «А что я, как местная жительница, получу от установки этих счетчиков?» и оспорила привычно произносимые в таких случаях аргументы, что мы все выиграем от развития.

Уехавшие и оставшиеся

Кулдига тесно связана с большим миром за пределами национальных границ Латвии прежде всего теми, кто из города уехал. Это латыши – трудовые мигранты рассказывают по скайпу оставшимся здесь друзьям и родственникам о том, как тесновато жить в съемных квартирах Ирландии и как монотонна работа на тамошних заводах без каких-то карьерных перспектив. Теперь случился Брекзит, и мигранты переживают, что время их стабильных заработков позади и им придется возвращаться на родину. Возможно, им все же позволят стать гражданами их новой родины, так резко противопоставившей себя недавно Европейскому союзу по причине того, что латышей и поляков, как многие англичане считают, в их стране уже слишком много. Латыши и другие выходцы из Восточной Европы мыслятся как «ненужные» мигранты по сравнению с теми, кто несколько десятилетий назад приехал из бывших британских колоний. Какие же соображения по поводу продолжающегося отъезда людей можно услышать в Кулдиге? Позволю себе вначале пространную цитату из интервью, взятого у работника муниципалитета: *«Официальное статистическое бюро мало обобщает, и нужно еще посмотреть, насколько это корректно, а другой возможный источник – наша система декларации (задекларированный адрес), но никто толком не знает, живут в этом адресе задекларированные люди или нет. Оба эти источника имеют свои недостатки, но в целом ясно, что в этом смысле Латвия не особо отличается от других восточно-европейских стран, которые стали членами Европейского Союза. Если посмотреть на динамику населения с 1990-х годов по 2016-й год, то примерно двадцать процентов Кулдига потеряла.*

Но давайте не забывать про другие города. Вентспилс в этот период больше потерял, возможно, потому, что там было больше россиян. Из Лиенаи с закрытием военных баз тоже многие уехали. Если сравнивать Кулдигу с городами примерно такого же размера, то Талсы потеряли чуть больше, Салдус чуть меньше. Кулдига включает город и окрестные деревни». Сетования чиновника совпадают с тем, что пишут о демографии современных балтийских стран ученые. Из трех стран только Литва использовала опросы по месту жительства для того, чтобы изменить официальные оценки объема международной миграции. По мнению демографов, в странах Балтии имеющиеся способы регистрации населения сложно считать надежным способом получения информации о миграции (Макаган 2015). Слабо помогает и подключение сведений о страховке или выплате налогов. Заметим, что в высказывании чиновника очень сильна ориентация на другие страны и города. Латвия помещается им в число других новых членов Европейского Союза, которые так же переживают значительный отток населения. А Кулдигу он сравнивает с соседними городами, чтобы продемонстрировать, что дела в его городе – не хуже, чем в других.

Те жители Кулдиги, у которых родственники и друзья уехали, упоминали множество тревожных и грустных деталей из жизни мигрантов: «нас там никто не ждет», «везет только некоторым», «как выясняется, твоя жизнь там может оказаться очень паршивой». Они имели в виду, что только малооплачиваемые рабочие места открываются для приезжих, что англичане (в случае, если они уехали в эту страну) смотрят на них враждебно или сверху вниз. Долгий рабочий день на фабрике, стрижка газонов на участках богатых людей, мытье посуды, сиденье на «ресепшн» хостела, приборка бесконечных комнат в гостинице – такие занятия упоминались.

Интересным моментом собранных мною высказываний был тот, что информанты, понимая со сколькими вызовами сопряжена жизнь их близких на новой родине, одобряли их выбор на том основании, что «здесь все будет только хуже» (имея в виду Латвию). «Ни медицины у нас нормальной, ни образования», – сказала одна жительница. А когда я напомнила, что к нормальной медицине и в другой стране доступ будет весьма ограничен, та заметила: «Ну хоть вокруг там все интересней!». На мое замечание, что после долгой смены на заводе работнику вряд ли будет дело до окружающих красот, та возразила с досадой: «Да Господи, ну хоть дети их нормально устроятся тогда!». И мне подумалось, что для жителей Болгарии, Венгрии и прибалтийских стран открылась дверь в регион, раздираемый, конечно, противоречиями, но все же способный «нормально устроить» все новых и новых людей. Работающий в Вене политический аналитик Иван Крастев справедливо называет миграцию «новой революцией»: «...революцией, движимой выходом и

воплощенной индивидами и семьями и вдохновенной не картинами будущего, нарисованными идеологиями, но фотографиями жизни по ту сторону границы, взятыми с Google Maps. Для успеха этой новой революции не нужны идеология, политические движения или политические лидеры. Так что не стоит удивляться, что... для растущего числа людей идея изменения означает смену страны, а не правительства, при котором ты живешь» (Krastev 2016).

Самой мне никогда не приходилось жить в стремительно «съеживающихся сообществах», и мне хотелось расспросить людей о том, на что это похоже. Но ответы, которые я получила, свидетельствовали о том, что «сообщество» для кулдингчан – абстракция, что на центральную улицу они выходят лишь по праздникам, далеко не всех в своем небольшом городке знают (*«мне неинтересно, как у них там, мне бы вот от сына новостей дожидаться»*), и что главные из заботы – семья (часть которой может жить в миграции) и дом. Здесь, пожалуй, мои и жителей Кулдиги приоритеты совпадают. Если от рижских латышей доводилось, в ходе продолжительной беседы, слышать фразы, свидетельствующие о том, что их тревожит судьба нации, ее культурного наследия (*«У нас больше людей знают Паулса, чем Райниса»*), то жители Кулдиги не без гордости говорили о том, что *«мы тут все, в основном, – латыши, не то, что в Риге»*.

Противопоставление русско-латышской Риги этнически «чистой» Кулдиге может быть истолковано как проявление компенсаторных настроений: все-таки жизнь в Риге более интересная и сытая, чем на окраинах Латвии. Этим, кстати, объясняется, что часть уезжающих из Кулдиги направляются в Ригу, а часть – за границу, но в каком соотношении находятся две эти группы, выяснить также не удалось: *«В Ригу или сразу за рубеж? У нас нет надежных источников, чтобы это мониторить. В некоторых случаях сначала уезжают в Ригу, а потом за границу, но многие и сразу уезжают. У нас есть один филиал вуза, мы хотим, чтобы здесь у нас был филиал Академии искусств, но в основном молодые люди, когда оканчивают среднюю школу, уезжают в вуз, начинают во время учебы работать, и им потом сложно вернуться сюда. Это и в советское время так было. Это во многом вопрос убеждений – вернуться. Но некоторые молодые люди все же возвращаются: есть преимущества по сравнению с городом. Если есть возможность работать дистанционно, то жить тут хорошо, и для детей лучше. Некоторые покупают недвижимость “про запас”, чтобы было, где жить на пенсии. Но общая тенденция – отрицательная, она, может быть, не катастрофическая в самом городе, но в отдаленных деревнях почти никого нет»*.

Заключение

В данной статье я попыталась рассмотреть материал полевого исследования в Кулдиге (Латвия) с точки зрения того, как процессы, разворачивающиеся в масштабе Европы и направляемые транснациональной организацией (Европейский Союз), кристаллизуются в жизни людей небольшого городка. Эта жизнь, среди многого прочего, свидетельствует о том, что приоритеты Европейского Союза в отношении его новых членов проблематичны. Миграцию из депрессивных в более привлекательные города и страны, понятно, не остановить, но все же продолжающиеся инвестиции в архитектурное наследие городов Восточной Европы, претерпевающих депопуляцию, можно истолковать как создание Европейским Союзом «витрины» объединенной Европы. Европейские деньги тратятся в больших количествах на европейские города культуры либо на те, что входят в утверждаемый ЮНЕСКО перечень представляющих культурную ценность городов.

В переданных мною в тексте мыслях местных жителей и впечатлениях туристов жители, как мне представляется, «звучат» интереснее приезжих. Действительно, встретившиеся мне и согласившиеся поговорить туристы меня немного огорчили поверхностностью суждений о городе. В то же время я им благодарна за то, что они вообще согласились поговорить с незнакомкой, ведь они все же были в отпуске. Возможно, мне просто не повезло встретиться с истинными знатоками восточно-европейского архитектурного наследия, которые в Кулдигу приезжают любоваться, к примеру, ее многочисленными затейливыми деревянными дверями (восстановлению которых городские власти уделяют большое и отдельное внимание).

Так или иначе, очень жаль, что упомянутые счетчики посетителей и отсутствие серьезной статистики по туризму не дают возможности посчитать процент, так сказать, «качественных туристов», т.е. таких, которые ценят усилия городских властей по аутентичной реставрации. Но, возможно, все же стоит серьезно отнестись к тому, что ни один из попавшихся мне в июле 2016 г. на кулдигских улицах приезжих даже не упомянул деревянные двери или в целом качественную реставрацию старых домов в качестве причин, в Кулдигу его приведших. Не получается ли тогда, что значимый вектор деятельности городской администрации – реставрация – связан лишь с ее расчетом на получение положительной оценки со стороны экспертов, составляющих считанные единицы среди десятков тысяч людей, которых мы в городе видим (увы, лишь летом)?

Работающие в Европейском Союзе эксперты претендуют на то, чтобы квалифицировать как «достаточно-европейское» то, чем располагают города. Учитывая трагическое прошлое двадцатого века, в большинстве восточно-европейских городов приятной глазу условной Ев-

ропы сохранилось очень немного, но городские администрации политикой Европейского Союза, по сути, приглашаются к крайне селективной работе со своей историей. Условная Европа старого городского центра – это то, что нужно сохранять и продавать, все остальное – оставить местным. В итоге современные социальные и культурные возможности столичного и зарубежных крупных городов для латвийцев оказываются важнее «Европы» родного города, сочетающейся с чувствами изолированности от современности и маргинальности.

Литература

- Трубина Е.* Праздники в Нижнем Новгороде: развлекая людей в распродаваемом городе // Неприкосновенный запас. 2016. 2(106). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2016/2/prazdniki-v-nizhnem-novgorode-razvlekaya-lyudej-v-rasprodavaemo.html> (Accessed: 15 August 2016).
- Dwyer L., Forsyth P., Spurr R.* Evaluating tourism's economic effects: New and old approaches // *Tourism Management*. 2004. No. 25. P. 307–317.
- Corry D., Stoker G.* *New Localism: Refashioning the Centre-Local Relationship*. London: New Local Government Network, 2002.
- EC Europa. The website of the European Union Regional Development Fund. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/projects/latvia/restoration-produces-eye-catching-bridge (Accessed: 15 August 2016).
- Krastev I.* Utopian dreams beyond the border // *Eurozine* 10 November 2016. URL: <http://www.eurozine.com/articles/2016-06-24-krastev-en.html> (Accessed: 15 November 2016).
- MacCannell D.* *Empty meeting grounds: The tourist papers*. London: Routledge, 1992.
- Makaryan S.* Estimation of International Migration in Post-Soviet Republics // *International Migration*. 2015. Vol. 53 (5).
- Stoker G.* New localism, progressive politics and democracy // *The Political Quarterly*. 2004. No. 75. P. 117–129.
- Peck J., Theodore N.* Variegated Capitalism // *Progress in Human Geography*. 2007. No. 31 (6). P. 731–772.
- Plakans A.* Latvia. Normality and Disappointment // *East European Politics and Society*. 2010. No. 24 (4). P. 518–525.
- Platt K.* Russian Empire of Pop: Post-Socialist Nostalgia and Soviet Retro in Latvia // *Russian Review*. 2013. Vol. 72. P. 447–469.
- Proenca S., Soukiazis E.* Tourism as an Economic Growth Factor: A Case Study for Southern European Countries // *Tourism Economics*. 2008. Vol. 14, No. 4. P. 791–806.
- Yadvashem* website. URL: http://www.yadvashem.org/yv/en/about/institute/killing_sites_catalog_details_full.asp?region=Kurzeme&title=Kurzeme%20county (Accessed: 15 August 2016).
- Woolfson Ch., Juska A.* Neoliberal Austerity and Corporate Crime. The Collapse of the Maxima Supermarket in Riga, Latvia // *New Solutions*. 2014. Vol. 24 (2). P. 129–152.

Статья поступила в редакцию 15 августа 2016 г.

Trubina Elena G.

AUTHORITIES' PRIORITIES AND CITIZENS' EXPERIENCE THROUGH THE LENS OF MULTISCALARITY: THE CASE OF KULDIGA (LATVIA)

Abstract. The article focuses on the case of the small Latvian town of Kuldiga. It considers how life in this historically significant town is embedded into the political and economic pro-

cesses unfolding on a scale that far exceeds the town limits. The author summarizes her fieldwork in this town conducted in the summer of 2015, in the course of which she identified a contradiction between the authorities' hope to attract tourists and the ongoing out-migration from the town.

Keywords: post-socialist urban development, tourism, migration, Latvia, heritage, small

DOI: 10.17223/2312461X/14/14

References

- Dwyer L., P. Forsyth and R. Spurr. Evaluating tourism's economic effects: New and old approaches, *Tourism Management*, 2004, no. 25, pp. 307–317.
- Corry D. and Stoker G. *New Localism: Refashioning the Centre-Local Relationship*. London: New Local Government Network, 2002.
- EC Europa. *The website of the European Union Regional Development Fund*. Available at: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/projects/latvia/restoration-produces-eye-catching-bridge (Accessed 15 August 2016).
- Krastev, I. Utopian dreams beyond the border, *Eurozine*, 10 November 2016. Available at: <http://www.eurozine.com/articles/2016-06-24-krastev-en.html> (Accessed 15 August 2016).
- MacCannell, D. *Empty meeting grounds: The tourist papers*. London: Routledge, 1992.
- Makaryan, S. Estimation of International Migration in Post-Soviet Republics, *International Migration*, 2015, Vol. 53 (5).
- Stoker G. New localism, progressive politics and democracy, *The Political Quarterly*, 2004, no. 75, pp. 117–129.
- Peck, J. and Theodore, N. Variegated Capitalism, *Progress in Human Geography*, 2007, no. 31 (6), pp. 731–772.
- Plakans, A. Latvia. Normality and Disappointment, *East European Politics and Society*, 2010, no. 24 (4), pp. 518–525.
- Platt, K. Russian Empire of Pop: Post-Socialist Nostalgia and Soviet Retro in Latvia, *Russian Review*, 2013, Vol. 72, pp. 447–469.
- Proenca, S. and E. Soukiazis. Tourism as an Economic Growth Factor: A Case Study for Southern European Countries, *Tourism Economics*, 2008, Vol. 14, no. 4, pp. 791–806.
- Yadvashem website*. Available at: http://www.yadvashem.org/yv/en/about/institute/killing_sites_catalog_details_full.asp?region=Kurzeme&title=Kurzeme%20county (Accessed: 15 August 2016)
- Woolfson, Ch. and Juska, A. Neoliberal Austerity and Corporate Crime. The Collapse of the Maxima Supermarket in Riga, Latvia, *New Solutions*, 2014, Vol. 24 (2), pp. 129–152.
- Trubina E. Prazdniki v Nizhnem Novgorode: razvlekaia liudei v rasprodavaemom gorode [Celebrations in Nizhny Novgorod: entertaining people in a city under hammer], *Neprikosnovennyi zapas*, 2016, no. 2 (106). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2016/2/prazdniki-v-nizhnem-novgorode-razvlekaya-lyudej-v-rasprodavaemo.html> (Accessed 15 August 2016).